

A photograph of an elderly couple walking a large black and white dog in a snowy forest. The woman is on the left, wearing a red coat with a fur-lined hood and a white scarf. The man is on the right, wearing a dark brown coat and has a white beard. The dog is a large breed, possibly a Mastiff, with black and white patches. The background is a snowy forest with bare trees. The overall mood is serene and peaceful.

69 ПАРАЛЛЕЛЬ

Андрей Воронин

Авантурные приключения

Андрей Воронин

69 параллель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40300773

SelfPub; 2023

Аннотация

Мурманск, большой и холодный город на севере. Два пожилых и одиноких человека встречаются в городском сквере на скамейке. Они жили своей обычной жизнью. У неё есть дочь, которая уже давно как уехала в южный курортный город, тогда они поссорились из-за жилплощади и не простили друг друга. У него, только английский стаффордширский терьер. Эти редкие встречи в парке, на скамейке, становятся смыслом их жизни.

Андрей Воронин

69 параллель

ГЛАВА 1. ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ

Славный щенок английского стаффордширского терьера первым услышал звук открывающейся входной двери и почуввав появление в комнате постороннего, выпустил из розовой пасти набухший молоком сосок, растолкал остальных

четырёх щенков помёта, которые посапывали зарывшись в тёплом подбрюшии и выбравшись из под задней ноги молодой суки, поскуливая от любопытства, вприпрыжку поскакал навстречу вошедшим в комнату мужчинам.

– Какой смелый кутёнок! – восхитился видом бесстрашного малыша Леонид Евгеньевич.

Щенок действительно казался замечательным, в меру крупный, с блестящей шкуркой коричнево-белой масти, с любопытными тёмными глазами на лобастой голове и небольшими висячими ушами, крепко сложенный и уже твёрдо стоящий на своих небольших, но мускулистых ногах. Окаймлённая чернотой вывернутых наружу губ, розовая пасть малыша, с крепкой челюстью и крупными белыми молочными зубами, казалось расплылась в приветливой улыбке и оттуда вываливался на сторону толстый и влажный язык, а короткий прут хвоста приветливо кивался из стороны в сторону. Но самым восхитительным смотрелось чёрное пятно вокруг правого глаза озорника, напоминающее устрашающую нашлёпку у одноглазого пирата, придававшего кутёнку вид бравый и задорный.

– Да ты, Леонид Евгеньевич, ещё остальных не видел, – поспешил направить гостя в нужное для сделки русло хозяин собаки. – Обрати внимание какие красавчики!

И продавец, погладив тревожно поднявшую голову на вошедших суку, оторвал от матери проснувшихся щенков и выложил их перед покупателем. Однако малыши не долго

позировали гостю, а дружной гурьбой устремились к миске с мелко нарезанными кусками говядины, стоящей в противоположном углу комнаты. Молодая мать тоже встала с лёжки, подошла к столпившимся над лакомством щенкам и принялась их нежно облизывать, и словно предчувствуя недобрые намерения гостя, недоверчиво поглядывала на Тычину.

– Леонид Евгеньевич, ты же вроде девочку рассматривал? – напомнил покупателю хозяин и выбрав одну из двух девочек в помёте, отнял щенка от миски и бережно передал в руки посетителю. – Смотри какая крепкая малышка. А зубы? Обрати внимание, будь любезен, пасть тёмная и прикус правильный. А голова, смотри какая аккуратная голова! Хорошей тебе охранницей будет.

– Да, очень хорошая девочка, – согласился покупатель, бережно приняв от владельца щенка и подхватив того под тёплое розовое брюшко и грудь раскрытыми широкими ладонями, покрутил внимательно осматривая прикус зубов и цвет глаз, но как-то всё ткнул с ответом и как будто чего-то выжидал или не мог сразу принять важное решение.

– Я тебе настоятельно рекомендую, брать девочку. – убеждал покупателя хозяин. – Девочка преданней и хлопот с ней меньше, когда гон начнётся с кобельком намучаешься. Смотри какая красавица, пятнышко к пятнышку, всё на своём месте.

Меж тем щенок с чёрной отметиной на морде, первым встретивший вошедших, уже насытился поданным на зав-

трак мясом и пятясь задним ходом, в очередной раз опередив более медлительных собратьев и сестёр, переместился от миски, плюхнулся на толстую попу, отряхнув висячие уши задней ногой и с любопытством уставился в глаза гостя. И видимо разглядев в лице покупателя неприкрытое любопытство, малыш весело вскочил, взбрыкнув всеми лапами, потешно подбежал к ногам Леонида Евгеньевича, вцепился зубастой пастью в шнурки ботинок и стал тащить того к выходу. Мужчина неловко улыбнулся хозяину, как будто заранее извиняясь, осторожно опустил на пол предложенную к покупке девочку, поднял на руки хулигана и поцеловав того в тёмный и влажный нос на лобастой, весёлой морде, обратившись к продавцу, произнёс:

– Извини Семён Емельянович, видишь сам, кутёнок меня выбрал, – показал он хозяину выбранного щенка. – Нет моих сил ему отказать.

– Ну, что с тобой поделаешь Леонид Евгеньевич? – вздохнул с явным сожалением продавец. – Скажу тебе по совести, хотел я этого выскочку батюшке нашего прихода оставить, давно тот просил кобелька в хозяйство. Деньги хорошие сулил. Но право слово, не могу тебе отказать. Вот же проказник какой, не смог спокойно посидеть. Знать такова его судьба. Забирай пожалуй, чего уж теперь.

Вот уже больше трёх лет как Леонид Евгеньевич Тычина вышел на пенсию. Вернее будет сказать его «выпроводили», так как сам-то Леонид Евгеньевич, всю жизнь прорабо-

тав бухгалтером в отделе снабжения рыбного порта, очень любил свою невзрачную на вид должность обычного клерка и свыкся с ней на столько, что до того последнего дня и не представлял себя без работы на пенсии. Штатное место бухгалтера находилось за второй проходной, в здании администрации порта, на третьем этаже, в отделе учёта и планирования, за обычным рабочим столом, со столешницей обитой дермантином, у обычного окна с видом на Кольский залив, где у причалов высились стрелы портовых кранов и толпились у причальных «стенок» морские рыболовецкие суда разных типов и размеров, приходившие в порт Мурманска на разгрузку улова и межрейсовую стоянку. Все тридцать с хвостиком лет своего трудового стажа, отшагав через проходную вдоль портовых складов и причалов к зданию администрации и обратно, Леонид Евгеньевич не представлял своё существование вне этого небольшого уютного кабинета, без скромного конторского стола у замечательного окна, жужжания любимого старенького «Hewlett-Packard» на нём, тихого тиканья старых часов, с круглым циферблатом в деревянной раме, на стене перед ним, равномерно отмеряющих рабочий день монотонным боем на время до обеда и после.

Сам Тычина, после окончания мурманской мореходки никогда не ходил больше в море, даже на прогулочном катере, так как к стыду своему, страдал от морской качки, а Кольский залив и суда на нём, уже давно привык наблюдать только из окна рабочего кабинета. Но сама эта малая принад-

лежность к порту, незримая романтика морских странствий, крики голодных чаек над разгружаемым из трюмов уловом, тревожные звонки портовых кранов и переключки грузчиков, гудки уходящих в рейс судов, всё это придавало такому невзрачному на вид месту у окна в кабинете Леонида Евгеньевича необычайную привлекательность и значимость. Наличие у него заветного синего пропуска в рыбный порт, создавало вокруг бухгалтера в сером пальто, с потёртым кожаным портфелем, ореол возможной причастности к дальним плаваниям и далёким тропическим странам, а опьяняющий запах водорослей и свежей рыбы, сопровождали Леонида Евгеньевича всю сознательную жизнь, вплоть до последнего дня, в который начальник отдела кадров на общем собрании коллектива с почтением зачитал приказ о выводе Тычины на пенсию и затем прошли проводы бухгалтера «благодарными» сослуживцами за званым ужином в портовой столовой.

Пожилой бухгалтер и так по складу характера и специфики сидячей работы в отдельном кабинете, не имевший близких друзей, оставшись без своего насиженного места у окна, постепенно потерял контакты с сослуживцами, редкие дежурно-сочувствующие звонки которых вскоре сами-собой прекратились. Немногочисленные дальние родственники по традиции сообщали о себе только по праздникам и то, в большинстве ограничивались пересылкой по WhatsApp и Viber дежурных поздравительных открыток к Дню Рыбака,

Новому году и Рождеству. Оставались правда традиционные встречи с выпускниками из его любимой 23 средней школы, на Варничной сопке, которые Тычина всё же старался по возможности не пропускать. Однако возраст бывших одноклассников теперь достиг того предела, когда число их в геометрической прогрессии неумолимо сокращалось, а накопившиеся болячки, бытовые проблемы и порой откровенное безденежье приучили к одиночеству, так что встречи эти становились со временем почти формальностью. Сам же Леонид Евгеньевич вовсе не страдал от нехватки общения, так как и раньше не пытал склонности заводить новых друзей и изливать душу перед посторонними, а оставшись совсем один, после трагической аварии с женой и сыном, произошедшей семь лет назад на дороге в Карелии, которых погубил уснувший за рулём дальнобойщик, выехавший на встречную полосу, Тычина перестал интересоваться женщинами как мужчина и женщины не получая ответных флюидов внимания, так же окончательно потеряли к отставному бухгалтеру интерес. Всё это неким странным образом и послужило толчком, чтобы Леонид Евгеньевич вспомнил свою давнюю мечту и завёл наконец себе собаку, небольшого роста, коренастого английского стаффордширского терьера, добродушное и преданное создание, в отличие от своих воинствующих и злобных американских потомков. Заветное желание завести собаку теплилось в глубине души Леонида Евгеньевича с самого детства. Но в своё время этому проти-

вились строгие родители, которые считали содержание собаки не уместным в их стерильной кооперативной квартире. А позже и жена Татьяна, которая также являлась сторонницей идеального порядка в доме, всё его отговаривала и убеждала, что собаке не достаточно места в квартире, а содержание животного возможно только в большом доме, что собака не сможет оставаться одна, пока они вдвоём находятся на работе, а вот когда придёт время и они выйдут на пенсию, переедут с Севера в среднюю полосу, где купят себе домик на берегу реки, допустим в Подмосковье или в Калуге, вот тогда-то и можно будет ему завести собаку. Теперь же, не опасаясь нарушить чьё-либо жизненное пространство и спокойствие, в душе извинившись перед матерью и покойной женой, отставной бухгалтер смог наконец-то исполнить свою давнюю мечту. Мечту Леонид Евгеньевич назвал Принц Уэльский, потому что как он вычитал, данную породу собак вывели при дворе её Величества королевы Великобритании и образ славного терьера, за преданность и отвагу, в давние времена украшал герб королевских гвардейцев. Забавный щенок стал отдушиной для Леонида Евгеньевича, в него он вложил всю ту нерастраченную нежность и любовь, которую может быть стеснялся обратить к людям, опасаясь, что это может быть принято ими за проявление слабости. Ни кто из сослуживцев, впрочем, не мог обвинить бывшего бухгалтера в чёрствости и равнодушии, просто такой у него сложился характер, держать все эмоции при себе.

Дни проживаемые Леонидом Евгеньевичем на пенсии, однако мало отличались от заведённого ранее распорядка и текли своей обычной неспешной чередой, совершенно похожие один на другой, как круги описываемые стрелками в старых часах с боем, которые тоже поменяли место своей дислокации со стены в рабочем кабинете, на гвоздь в стене «сталинки» отставного бухгалтера. По заведённой привычке, мужчина просыпался довольно рано, около половины седьмого, от тычка в щёку холодного и влажного носа уже порядком повзрослевшего Принца Уэльского, спешившего сообщить хозяину о приближении времени утренней прогулки. Погладив собаку по голове, Тычина некоторое время приходил в себя рассматривая причудливые тени на стене от качавшихся за окном деревьев, затем потянувшись, неспешно сел на край кровати и найдя на ощупь мягкие прикроватные тапочки, неспешно шагнул в ванную, затем так же не спешно одевался в приготовленные с вечера на стуле свитер и брюки, и взяв питомца на поводок, закрыв квартиру, спускался по широкой лестнице во двор, стараясь сдерживать нетерпеливый напор рвавшегося на волю Принца Уэльского. Обычно, в столь ранний час, жильцы сталинской четырёхэтажке на улице Пушкинской ещё крепко спали, лишь на втором этаже одиноко светила настольная лампа в окне бывшей учительницы Зинаиды Павловны, которая при встрече обычно жаловалась отставному бухгалтеру на бессонницу, хандру и прочие свойственные её преклонному

возрасту недуги и хвори. Выйдя из двора мужчина с собакой шли в сквер у городского Дома культуры. В эти ранние часы улицы в центре Мурманска оставались ещё пустынными. Одинокие спешащие к остановкам общественного транспорта горожане, лавируя между работающими лопатами дворниками, тропили по тротуарам одинокие стёжки следов, по выпавшему за ночь белоснежному покрывалу, как будто оставляя закодированные послания последователям. Леонид Евгеньевич уже в сквере спускал с поводка Принца Уэльского, который в порыве нерастраченной за ночь энергии начинал стремительно обследовать заснеженные аллеи, лавируя между деревьями и кустарниками, сбивая с низких веток снежную пыль. Впрочем если четвероногий приятель упиваясь свободой забывался и убегал из зоны видимости, Леонид Евгеньевич возвращал того тихим, но резким свистом между пальцами, этот свист из далёкого детства особенно доставлял мужчине удовольствие на утренних прогулках. Вымерзнув как следует и продышавшись, приятели возвращались в тёплую квартиру, где пожилой мужчина готовил завтрак на двоих и кормил питомца. Человеку обычно на завтрак подавалась овсяная каша, заправленная каким-нибудь ягодным джемом или омлет с помидорами и луком, терьер же довольствовался сухим кормом с разными полезными добавками, после которого полагался кефир и витамины. Мясом же Тычина баловал питомца один-два раза в неделю, чтобы не отучать от установленного рациона. Придерживаясь поряд-

ка, заведённого ещё супругой, Леонид Евгеньевич старался не употреблять много жирной и жареной пищи, себе мясное позволял ещё реже чем Принцу Уэльскому, предпочитая постное, в еде оставался умерен, не перебирал лишнего. Однако не был слишком строг к себе и иногда, в очередной раз помянув жену, бдительно следившую за неукоснительным соблюдением режима, мог заварить на скорую руку лапшу быстрого приготовления «Доширак» или по-желанию на ужин, побаловать себя рюмочкой хорошего коньяка, а под трансляцию значимого футбольного матча или этапа кубка мира по биатлону на спортивном канале, мог открыть бутылочку тёмного чешского пива, под сушёного кальмара.

Фотография жены Татьяны и сына Артёма стояла у отставного бухгалтера на серванте, рядом с телевизором и ложась спать, тот почти в слух сообщал близким, как прошёл его очередной день, вздыхал до слёз и желал спокойной ночи. Временами мужчина явственно ощущал присутствие близких рядом и даже стеснялся сделать у них на виду что-то не так. Сердце Леонида Евгеньевича до сих пор щемило при воспоминании о безвременной потере и эта неотвратимая пустота вокруг, делала всё остальное в теперешнем его существовании неважным и не имеющим никакого практического значения.

С весны до осени, в хорошую погоду, отставной бухгалтер бегал трусцой по дорожкам городского стадиона, который находился через квартал от его дома. По утрам там обычно

занималось несколько постоянных посетителей пенсионного возраста, но тесных знакомств с ними Тычина не заводил, ограничиваясь стандартными приветствиями, не желая становиться невольным слушателем про трудности чужой жизни, чужие болячки и жалобы на одиночество. Те другие повально чеканили шаги размахивая лыжными палками, заразившись вошедшей в тренд «скандинавской» ходьбой и передвигались по беговым дорожкам небольшими группками. Сам же Леонид Евгеньевич считал, что пока способен бегать будет бежать, не смотря на рекомендации районного терапевта побереечь суставы и избегать больших нагрузок. В средствах Леонид Евгеньевич особенно не нуждался, человек не расточительный и рациональный, в чём-то даже скуповатый, по бывшей профессии предпочитающий контролировать расходы и не превышать установленный лимит трат, он привык довольствоваться малым и не совершал мелких ненужных покупок. Пожилой мужчина хранил небольшой сберегательный счёт в банке с капитализацией процентов, суммой которого правда после смерти жены не интересовался и проценты не снимал. Одевался Тычина просто, но футболок и спортивных шароваров себе не позволял, регулярно, по устоявшемуся календарю, посещал своего постоянного парикмахера и маникюрный салон. Татьяна Павловна, работая инспектором отдела образования в администрации города, имела прирождённый вкус и чувство меры, и мужа всегда поддерживала в тоне, призывала одеваться просто,

но аккуратно и стильно, стрелочка к стрелочке. Летом Леонид Евгеньевич носил костюм с рубашкой, который покупали ещё с женой Татьяной, по случаю, в туристической поездке в Финляндию, а зимой одевал твидовое пальто, цвета шоколад, и финскую же шапку ушанку из тонкой овчины, имел несколько пар приличной обуви и хорошие швейцарские часы, подаренные сыном Артёмом, с первой зарплаты от самостоятельного рейса в море. Сын Леонида Евгеньевича, окончив мореходку, ходил в море вторым штурманом на рыбаках, большую часть своей недолгой самостоятельной жизни провёл в море и ушёл из жизни не успев завести семью и порадовать родителей внуками.

Проживая несколько последних лет в одиночестве, бытовые вопросы Леонид Евгеньевич привык решать сам. Самостоятельно занимался стиркой белья, убирался в квартире, готовил и мыл посуду. Таких как он, одиноких пожилых людей, вокруг, в Северном городе, проживало довольно много. Тычина видел, что иные старики тяготятся одиночеством и потихоньку опускают руки, не следят за внешним видом и одеждой, становятся неряшливей, а некоторые даже откровенно бедствуют. Леонид Евгеньевич однако, пока стариком себя не считал, спину держал ровно, в руках имел определённую силу и не желал опускаться ни в чём, храня верность старым привычкам, выработанным за многие годы совместного проживания с женой и чтя её память. По религиозным праздникам, а также в дни рождения родных и в дату их смер-

ти, Леонид Евгеньевич посещал семейное захоронение на городском кладбище, где он поставил общий, большой памятник жене и сыну. На портрете, изображённом на постаменте из тёмного мрамора, Татьяна Павловна сидела в кресле, а сын Артём стоял за её спиной, обнимая мать за плечи. Здесь же, за железной кованой оградой, Тычина отвёл место для себя и со спокойным сердцем был готов, когда придёт час, соединиться с любимыми людьми.

Эту зиму Леонид Евгеньевич пережил особенно тяжело, разболелся травмированный в молодости сустав ноги, и мужчина практически не выходил на улицу, с начала декабря до конца января, когда полярная ночь почти уже закончилась и над сопками окружающими город стал показываться узкий краешек солнца. Всё это время Принца Уэльского, по просьбе Тычины, выпускала гулять соседка с первого этажа. Собака скучала без длительных прогулок с хозяином и утром, по заведённой привычке, брала каждый раз свой поводок в зубы и тыкалась призывно в колени Леонида Евгеньевича, приглашая его на прогулку.

– Ну, что ты, милый мой, – гладил по голове Принца Уэльского Тычина. – Потерпи мой дорогой, скоро моя нога поправится и мы еще с тобой нагуляемся, навестим Татьяну Павловну и Артёма, пойдём в наш сквер.

Вопрос с суставом стоял на контроле у ортопеда, но лекарственная терапия и покой пошли на пользу и болезнь отступила, опухоль спала и боли прекратились. Леонид Евге-

ньевич очень опасался, что дело может закончиться назначением ему операции по замене сустава, вошедшей в моду в последнее время, квоты на которую стали доступнее и такие высоко технологичные операции, людям в преклонном возрасте и не только, стали назначать массово. Мужчина знал многих своих знакомых, которым такая операция помогла, но у некоторых, замена сустава прошла не удачно, искусственный сустав часто выскакивал из соединения вертлужной впадины на тазовой кости, заживление тканей шло болезненно. Такие больные долго восстанавливались, ходили с трудом, иногда одна нога в итоге у них становилась короче другой. Прошедшим такие операции пациентам часто приходилось заказывать специальную обувь с утолщённой подошвой, чтобы компенсировать разность в длине своих ног, а иногда дело даже доходило до замены суставов на второй ноге. Словом дело с операцией по замене сустава было не простое, хлопотное и довольно нудное, требующее многочисленных хождений по поликлиникам и кабинетам чиновников, многочисленных обследований и сбора справок, а также затем предполагающее длительный период ограниченной подвижности и реабилитации. Эти страхи тревожили Леонида Евгеньевича всю зиму и радостное известие от врача о его выздоровлении, и близкий приход весны, вместе с окончанием длинной полярной ночи, вернули веру в жизнь и надежду на лучшее.

В новом году Леонид Евгеньевич самостоятельно выбрался из дома только в начале марта, хотя до окончательного ухода зимы и таянии снежного покрова на Севере оставалось ещё далеко, но солнышко в местах закрытых от ветра стенами зданий уже пригревало и оказалось так приятно сдвинуть со лба шапку и отрыть лицо первым благодатным лучам. В первый раз отставной бухгалтер вышел на улицу с палочкой, которую приобрёл за время болезни. Принц Уэльский как будто бы понимая, что хозяину трудно и непривычно делать первые шаги по улице с этой тростью, недоверчиво косился на неё, идя на поводке у противоположной ноги хозяина, и даже наверно был бы готов куснуть её, но как воспитанный и послушный пёс себя сдерживал и не нарушал правил при-

личия поведения в общественных местах. Стаффордшир то притормаживал по ходу, то на месте потешно перебирая лапами, старался попадать в рваный ритм шагов Леонида Евгеньевича и не дёргать поводок, чтобы не доставлять неудобств своему подопечному. Спешащие по своим делам прохожие вежливо обходили странную парочку стороной, уступая место на очищенном от снега тротуаре.

День случился солнечным, время приближалось к обеду, дороги и тротуары в центре города оказались уже убраны, снег оставался лежать лишь небольшими грязными сугробами на газонах и вдоль тёмной с проталинами обочины. На улице в этот предобеденный час оказалось многолюдно, движение машин на дорогах плотным, среди потока из легковушек, городских автобусов и троллейбусов, сновали вёрткие маршрутки. Лица людей вокруг открылись из под шапок и воротников, стали светлее и улыбчивее, и создавалось определённое впечатление общего восхищения этим первым по-настоящему весенним днём и общего блаженства. Навстречу неспешно бредущей по тротуару парочке дети возвращались из ближайшей школы после закончившихся занятий первой смены и весело щебетали с беззаботным смехом, отважно распахнув тёплые пальто и куртки, как взъерошенные воробьи. А пережившие морозную зиму пичуги перелетали в радостной суматохе с куста на куст, посаженной вдоль тротуаров сирени и невысоких рябин, скакали по парящему на солнце асфальту, затевали весёлые склоки и сновали между

ногами прохожих на остановках общественного транспорта в поисках хлебных крошек и семечковой шелухи. Неотвратимая близость весны, ещё не смелой, но такой долгожданной, здесь на центральных улицах Мурманска уже ощущалась во всём, и в терпком аромате морского бриза и водорослей с залива, и в зеркальных отражениях солнечных лучей от сияющих окон зданий, витрин магазинов и стёкол свежевываемых машин, в потемневших на солнце деревьях и кустарниках, и в этих розовощёких ребятишках, рано осмелевших под первыми солнечными лучами и уже снявших варежки, расстегнувших верхние пуговицы своих пальто и курток и развязавших шапки. И первые капли на длинных прозрачных сосульках, пропущенных кое-где у козырьков крыш коммунальщиками, как оттаявшие слёзы на ресницах красавицы зимы, загрустившей о своём скором уходе, переливались в радужных лучах и сверкали драгоценными жемчужинами, и наливаясь до предела со звонкими бульканьем опадали в первые проталины под водостоками.

Перейдя по светофору через проспект Ленина, Леонид Евгеньевич оставил своего приятеля в вестибюле «Пятёрочки», где купил им на двоих продукты и пакет семечек, чтобы покормить в сквере птиц. Затем наслаждаясь хорошим настроением и прекрасным днём они проследовали в свой сквер у Городской думы и выбрав солнечную скамейку, Леонид Евгеньевич спустил с поводка Принца Уэльского, а сам присел поудобнее, достал купленную в магазине газету «Ве-

черный Мурманск» и стал не спеша изучать городские новости. Получивший свободу англичанин, как бульдозер принялся бороздить ближайшие сугробы, хватая зубастой пастью снег, подброшенный расплывающейся от счастья мордой. Пока двое проходящих мимо мальчишек не затеяли с Принцем Уэльским весёлую игру, подбрасывая терьеру снежки, а тот ловил их в прыжке розовой пастью, с хлопаньем разбивая могучей челюстью белые шарики в снежные брызги, создавая что-то похожее на праздничный салют. Мальчишкам нравилась сила и ловкость собаки и они подбадривали пса радостными возгласами и улюлюкиванием.

Между тем в местной газете писали про всякую всячину: про контролируемую инфляцию, повышение пенсий и очередном предстоящем росте тарифов ЖКХ, про распределение квот лова и результатах рыбаков на прошедшей в Баренцевом море мойвенной путине, об ожидающихся санкциях принятых Конгрессом по поводу дела Скрипалей и о повышенной лавиной опасности для горнолыжников в Хибинах, а также про городские новости и происшествия. На всякий случай Леонид Евгеньевич стал просматривать страничку о предложениях по покупке и продаже недвижимости, интересуясь примерными ценами, сложившимися на вторичном рынке в расчёте на его двушку и прикидывая ради интереса, хватило бы ему в случае возможной продажи квартиры на переезд из Мурманска куда-нибудь южнее.

В это время в сквер, на соседнюю скамейку, пришла оди-

нокая привлекательная женщина. Незнакомка достала из сумочки тонкий планшет и стала что-то просматривать, листая на экране страницы. На вид знакомке можно было бы предположить чуть больше пятидесяти лет. Даже под пуховиком с воротником из песка, её фигура казалась стройной, а щиколотки ножек выглядывающих из меховых полусапожек выглядели тонкими и изящными. В окаймлении песцовой высокой шапки, в цвет воротника, с рыжим оттенком кончиков шерстинок натуральных шкурок, выделялось немного бледное лицо, с удивительно красиво посаженными умными глазами и небольшими прожилками вен на висках, оттеняемое тёмными, прямыми волосами, слегка ниже плеч, выпущенными из под шапки. Черты лица знакомки казались тонко очерчены немного выступающими скулами, с чуть длинноватым носом и темно-кариими, почти чёрными глазами. Над тонко прописанной верхней губой, в виде взмахнувшей крыльями чайки, виднелись слегка заметные усики, которые впрочем ни как не портили впечатления, а наоборот придавали всему образу женщины некую утончённую изысканность. Леонид Евгеньевич не сразу осознал, что в первый раз, как уже за много лет одиночества, он обратил внимание на другую женщину и так внимательно её рассматривает. Отставному бухгалтеру даже стало немного неловко от своей бестактной навязчивой любопытности, но необъяснимое желание ещё и ещё раз, лицезреть нечаянно пленивший его образ, оказалось сильнее природной воспитанности.

Женщина, видимо почувствовав на себе изучающий взгляд постороннего человека, с нескрываемым раздражением привлекла его внимание:

– Извините, будьте любезны. Мне кажется, прежде чем вторгаться в чужое пространство никому не нужными обглядыванием с ног до головы постороннего человека, вы бы лучше обратили внимание на своего зверя. Не прилично, знаете ли, в общественном месте спускать с поводка бойцовую собаку.

Леонид Евгеньевич явно не ожидал такого реверанса от созданного в его голове романтического образа незнакомки, так что некоторое время, совершенно опешив, не мог вымолвить ни слова. И первые произнесённые им слова оказались сказаны в защиту репутации Принца Уэльского:

– Обратил бы ваше внимание, уважаемая незнакомая мне незнакомка, что мой преданный друг принадлежит к породе благородного английского стаффордширского терьера, а не своего грубого американского потомка и отличается от непутёвого сородича исключительно миролюбивым, преданным нравом и примерным послушанием, – с поучительным тоном и обиженной интонацией начал мужчина просветительную лекцию в защиту своего подопечного. – Добрее моего терьера нет собаки на свете, руку вам даю на отсечение...

– Однако, руку вы свою, положим, оставьте пока при себе, – злорадно и с лёгкой иронией ответила незнакомка. – Нечего тут, в общественном месте, частями тела разбрасы-

ваться. А вот, что вы скажите по поводу вот этого невинно убиенного вашим миротворцем голубя, который как я понимаю, именно сейчас торчит из зубастой пасти вашего людоеда? – и женщина с издевательской усмешкой взмахнула рукой в направлении радостно подбегающему к скамейке хозяина терьера.

К своему глубокому удивлению и огорчению Тычина увидел, что действительно, его глубоко воспитанный и нежный домашний питомец свернул голову пухлому сизарю и победно тащит свой трофей к хозяину, что бы получить похвалу и благодарность за удачную охоту.

– Или вы теперь начнёте убеждать меня, что ваш поводырь так же заботился о бедной птице, нашёл оную замерзающей на снегу и производил искусственное дыхание? – уже совсем развеселилась, явно насмехаясь над Леонидом Евгеньевичем, женщина на соседней скамейке. – Искусственное дыхание и похоже, как и положено, изо рта в рот. Только немного перестарался, – и незнакомка окончательно залилась весёлым и беззаботным смехом, наблюдая недовольное и обескураженное выражение лица Леонида Евгеньевича.

После чего, явно празднуя свою победу в маленькой битве, незнакомка с ухмылкой вернула планшет в сумочку и удалилась в сторону площади Пяти углов, при этом слегка поигрывая бёдрами под пуховиком, как полководец триумфально покидающий поле выигранного сражения, давая явно понять, что потеряла интерес к подверженному противнику.

Весь последующий день Леонид Евгеньевич боялся себе признаться, что насмеявшаяся над ним незнакомка явно его заинтриговала. Он пытался не вспоминать приятный бархатный голос и пленивший его образ, занимая себя мелкими домашними делами по приготовлению ужина и уборкой в квартире. Потом отставной бухгалтер покормил собаку и смотрел вечерние новости. После повторной вечерней прогулки с терьером, который очевидно почувствовав настроение хозяйина, старался меньше обращать на себя его внимание, мужчина взял прочётную книгу и лёг в постель. Перед сном он прочитал несколько глав романа «До встречи с тобой» Джоджо Мойес, начатого им не так давно, но строчки в абзацах почему-то расплывались перед глазами, смысл прочитанного терялся и вскоре, погладив голову лежащего на коврик у кровати четвероногого приятеля, Леонид Евгеньевич выключил торшер и с неудовольствием к себе за допущенную слабость тревожно уснул.

Несколько дней спустя, приходя в очередной раз на прогулку в городской сквер с Принцем Уэльским, мужчина в тайне надеялся на встречу с прекрасной незнакомкой, но то ли их встреча оказалась случайной, то ли неожиданно испортившаяся холодная погода, с ветром, небольшим снегом и моросью, отпугивала женщину от длительных прогулок.

ГЛАВА 2. МАЛЕНЬКИЙ РУЧЕЙ

Через неделю погода благоразумно нормализовалась, на улице снова потеплело и выглянуло весеннее солнышко. Еле дождавшись положенного обеденного времени, за надуманными домашними делами, Леонид Евгеньевич вышел из дома держа на коротком поводке Принца Уэльского, и с тайной надеждой, стараясь сдерживать эмоции и не переходить на быстрый шаг, целенаправленно двинулся к городскому скверу. На свою трость-помощницу отставной бухгалтер уже почти не опирался, а больше пользовался той как указкой, направляя и подгоняя вперёд, отвлекающегося на разные улич-

ные мелочи терьера. Городской воздух, насыщенный нотками пробуждения северной природы, флюидами возврата к жизни после долгой зимней спячки, слегка пьянил голову отставного бухгалтера или это бессонные ночи мучительных раздумий и терзаний сыграли с ним злую шутку, но тот действительно теперь, словно глотнув до селе запретного воздуха свободы, словно парил во облаках, и его блуждающий взгляд, некому не обращённая улыбка на лице и неровный суматошный шаг, со стороны явно создали впечатление человека слегка помешенного, охваченного некой навязчивой идеей. И самое главное, что сам Леонид Евгеньевич с его трезвым расчётливым математическим умом, не мог или уже не совсем желал сопротивляться пагубному влиянию на себя этой запоздалой весны.

Издалека угадав знакомую фигурку на скамейке, за уже оттаявшими и потемневшими стволами рябин и подстриженных кустов сирени, мужчина почувствовал, что сердце его непроизвольно забилось чаще, а давление подскочило и понимая всю нелепость и неуместность их теперешней встречи, неумолимо приближался к ней.

Незнакомка видимо тоже вспомнила Леонида Евгеньевича и его собаку, и подняв голову, оторвавшись от обзора содержимого планшета, который как обычно держала в руках, улыбнулась новым знакомым.

– Ну, нет спасения от этих собачников, некуда от них укрыться, – пошутила она. – Пришли за очередной жертвой?

– Зачем вы так с нами, – улыбнулся не зная, что ответить и волнуясь, как ученик перед учительницей не выучивший урок, отвечал Леонид Евгеньевич. – Мы пришли с миром. И честное слово, рады снова вас увидеть.

– Вот даже как, – наигранно сердито удивилась незнакомка, – с места и в карьер. Да вы не далеко ушли в части воспитанности от своего питомца, – и она благоволила благосклонно улыбнуться.

– Знаете ли, – вдруг вырвалось у Тычины, – в моём возрасте не так-то просто найти достойного собеседника.

– Конечно, – продолжала издеваться прекрасная незнакомка. – В нашем трехсот тысячном городе, вашей жертвой, почему-то, стану именно я. Вы не маньяк случайно?

– Не надейтесь, – ответил Леонид Евгеньевич. – Сексуальная агрессивность в моём возрасте большая редкость. Разрешите всё-таки нам присесть?

– Как старому знакомому я вам это запретить не могу, – улыбнулась женщина. – И судя по внешнему виду и учащённому дыханию, посадка вам в данную минуту явно не помешает. Кстати, можно подкормить вашего охотника, чтобы он не пролил новой невинной крови?

– В принципе конечно можно, – удивился её просьбе отставной бухгалтер. – Только Принц Уэльский от посторонних лиц ничего не принимает, получил хорошее воспитание, знаете ли.

– Это я заметила, – подитожила с иронией собеседница.

Женщина, меж тем, открыла дамскую сумочку, достала оттуда упаковку с длинными, тонкими финскими колбасками, вынула из пакетика две штучки и протянула вкусняшки на открытой, изящной ладони с тонкими чувствительными пальцами, смотревшему на неё с подозрением и любопытством терьеру. Неожиданно для мужчины, Принц Уэльский, очевидно забыв о благородной родословной и высокочтимых предках королевских кровей, пренебрегая годами упорных тренировок и приличными манерами, потянул воздух чувствительным носом, затем беззастенчиво потянулся пухлыми губами к протянутым ему колбаскам, смахнул их толстым языком в огромную пасть и щёлкая белыми зубами со смаком и удовольствием проглотил, пуская с влажных губ слюну, после чего с видимой благодарностью, посмотрел в глаза незнакомке.

– Два ноль, – залилась женщина весёлым смехом. – Ещё один миф о воспитанности чопорных англичан повержен!

– Ну, что же ты брат меня позоришь, – укоризненно, с лёгкой иронией пожурил питомца Леонид Евгеньевич. – Продался за пару колбасок, где же это видано, такое поведение воспитанной собаки.

Терьер теперь же виновато спрятался за ногой хозяина и хитро посматривал в сторону незнакомки, видимо благоразумно рассчитывая получить от неё и оставшиеся вкусняшки. Женщина предложила, чтобы больше не испытывать терпение Принца Уэльского, отдать ему оставшиеся лакомство

и отпустить погулять. Что они и сделали. И терьер, отпущенный хозяином с поводка, стал по заведённой привычке крутить восьмёрки между чугунными стойками парковых фонарей и барахтаться в уже намокшем от влаги снегу, подымая искромётные снежные брызги, пугая стайки сизых голубей, собравшихся на водопой у первых проталин на асфальтовых аллеях сквера, и редких прохожих, впрочем, далеко не отдаляясь от скамейки с новой знакомой.

– Наверно нам уже пора познакомиться, – предложила незнакомка. – Так как наши встречи из случайных уже переходят в разряд регулярных, а я с незнакомыми мужчинами, как порядочная дама, не разговариваю.

– Давайте по праву старшего, я начну первым. Меня зовут Леонид Евгеньевич, – в едином порыве отрапортовал отставной бухгалтер, – мне шестьдесят три года, я вдовец и уже на пенсии. Как говорится, теперь совсем один, как перст.

– А меня зовут, Виолетта Микко Виртанен. – и увидев явное изумление нового знакомого пояснила, – Отец мой был по национальности финн, а так как имя его в финском языке не склонялось, то и в русской транскрипции, в качестве моего отчества, записано также. Так что с первого раза, на слух, все принимают Микко за фамилию и это немного вносит путаницу в понимание истинного смысла, – представилась незнакомка. Её голос был приятным на слух, негромким, с бархатной интонацией и небольшим намёком на финский акцент, с неким затягиванием гласных звуков и упором

на сдвоенные согласные. – Я вдова. И уже тоже на пенсии, если вас это интересует. Работу оставила совсем недавно. Ну, возраст мой вы сами видите, мне тоже почти под шестьдесят и кокетничать тут к сожалению не чем.

– Не может быть, – искренне изумился Леонид Евгеньевич такой откровенности незнакомки. – Я вообще-то подумал, что вам нет и пятидесяти. И очень, знаете ли стеснялся, прилично ли, что такой старик как я, вдруг заговорит с такой молодой и красивой женщиной.

– Теперь я понимаю, что после моего опрометчивого признания, камень с души у вас упал, – пошутила Виолетта Микко и благодушно рассмеялась.

Они просидели за разговорами на скамейке около часа. И это час пролетел для Леонида Евгеньевича как одно мгновение. Мимо спешили с обеда на работу служащие городской Думы и шли по своим делам простые горожане, пробежали играя в снежки школьники и молодые матери провозили коляски со своими новорождёнными малышами, принимающими первые солнечные ванны после долгой и тёмной зимы. Двое на скамейке говорили и говорили, и никак видимо не могли выговориться. Леонид Евгеньевич сам удивлялся как ему просто и легко давалось общение с этой совсем незнакомой недавно ему женщиной. Отставному бухгалтеру не приходилось стараться казаться лучше или хуже, слова и мысли возникали сами собой, естественно и непринуждённо. Истосковавшись по женскому вниманию и отзывчивому

слушателю, Леонид Евгеньевич рассказывал Виолетте о своей прошлой работе, о выходе на пенсию, своём одиночестве и теперешней их жизни с Принцем Уэльским.

– А что значит в переводе ваша фамилия? – спросил он. – Это так необычно и красиво, Виртанен.

– Ну, во-первых, для финов это вполне обычная и распространённая фамилия, – поправила собеседника Виолетта Микко, – также как для нас допустим Иванов или Петров. А в переводе звучит конечно довольно ласково и романтично, – маленький ручей. Я в замужестве не захотела брать фамилию мужа, у него она оказалась Громов. Хотя признаюсь, Громов тоже звучит не плохо, во всяком случае громко. Сразу вспоминается фильм «Угрюм-река», безответная любовь, гордый черкез с бородой и тайга. Но было бы совсем странно и неуместно это сочетание, Виолетта Микко Громова, не правда ли?

– Действительно, – согласился Тычина, – немного странно. – Вопросов после этого к новобрачной наверно стало бы больше. А кем, извиняюсь, работал ваш муж?

– Мой муж полковник авиации, – с явной гордостью сообщила женщина. – Правда ведь, романтично? Мы жили в посёлке Заозёрном и муж служил в должности командира полка дальней авиации. Ещё бы немного и его бы забрали в Москву, на повышение в штаб армии.

– И что же случилось? – удивился Леонид Евгеньевич. – Он разбился на самолёте при выполнении очередного полё-

та?

– О нет, зачем вы так, – вздохнула явно слегка обескураженная неуместной шуткой нового знакомого Виолетта. – Всё намного прозаичнее, случился инфаркт и пока его везли из полка до Мурманска, Анатолий скончался по дороге, в скорой. Хотя муж являлся командиром полка, он много летал сам, для дальней авиации это свойственно.

– Извините, – попросил прощения Тычина за невольную бестактность, увидев произвольные слёзы на глазах женщины, которые видимо вызвали нахлынувшие на неё воспоминания.

– Что уж теперь поделаешь, прошлого не вернёшь, – Виолетта Микко вытерла глаза платком из сумочки и оставив его в руках продолжила. – Ведь я вышла за Толю, когда он только закончил лётное училище и получил свои первые лейтенантские звёзды и первое назначение из Оренбурга в Казахстан. А я в то время оказалась в Оренбурге на практике, после окончания института Инженеров Водного транспорта в Ленинграде. Раньше, ведь сами знаете, куда распределяли туда и ехали, особого выбора не предоставлялось. Так что, до Заозёрного, мы с Анатолием Геннадьевичем помотались по гарнизонам всей страны. Это уже потом, когда муж стал полковником, полк мы выбирали сами, поближе к Мурманску, к моим родителям.

– А ваши дети, Виолетта? Мне можно к вас так называть? – спросил Леонид Евгеньевич и после благосклонной

улыбки Виртанен продолжил, – У вас есть дети и где они теперь живут?

– Да, что там, конечно давайте перейдём на ты, к чему эти условности. Есть дочь, Анжелика, – ответила женщина немного погрузнев. – У нас в последнее время сложились довольно непростые отношения. Когда она со своим мужем, два года тому назад, решила переехать в Анапу, мне пришлось разменять квартиру, в которой мы жили последнее время с Анатолием в Мурманске. Эту квартиру муж получил как командир полка, от командующего флота, за какой-то ответственный полёт его эскадрильи. И понимаете, поменять память отца на удобства, я к этому готова не была и приняла это с трудом. Словом, мы сейчас пока не общаемся. Но давайте оставим эту неприятную и крайне щекотливую для меня тему.

В это время Принц Уэльский, видимо уже порядком набегавшись, успел подмёрзнуть, подбежал к скамейке, взяв лежавший возле Тычины поводок в зубы и призывно посмотрел на хозяина.

– Как время быстро пролетело, – извинился Леонид Евгеньевич, посмотрев на часы. – Извините Виолетта, у нас режим. Шерсть у него короткая и долго нам на прохладном воздухе нельзя, простудится.

– Да, мне тоже уже пора, – согласилась Виртанен и улыбнулась. И погладив по лобастому лбу терьера, благосклонно принявшего ласку, забавно наклонив голову и задумчиво

произнесла, – Принцев у меня в друзьях ещё не было.

– О, простите Виолетта, за наглость, – спохватился Тычина, – а могу я попросить у вас номер телефона? Знаете ли, я уже не в том возрасте, чтобы ходить и высматривать вас по скамейкам в парке.

– Вы думаете, что это будет ни слишком непристойно с моей стороны? – поинтересовалась с иронией Виолетта. – Уже после первого свидания давать незнакомому мужчине свой номер телефона?

– Я думаю, что нам уже можно наплевать на условности, – пошутил Леонид Евгеньевич. – В нашем то возрасте. В худшем случае вас примут за мою сиделку или сестру милосердия.

– Да вы ещё тот ловелас, – рассмеялась Виолетта Микко. – Ну, диктуйте ваш номер, – и записав в свой телефон услышанный от Тычины номер, женщина улыбнулась и задорно развернувшись на каблуках полусапожек, грациозно пошла по дорожке к выходу из сквера. Отойдя немного, Виолетта не оборачиваясь подняла на прощанье руку с телефоном и взмахнув ею в воздухе, сделала дозвон.

На следующий день, когда Леонид Евгеньевич совсем уже было решил позвонить Виолетте и пригласить свою новую знакомую как и положено в таком случае в кино, ему вдруг позвонил бывший одноклассник и старый приятель по мореходному училищу, Владимир Морозов, и напомнил, что в последнюю субботу марта, они по старой, давно заведённой

традиции встречаются их славным 10 «А», мальчишки которого потом дружно пошли поступать в мореходку. Встреча назначалась в ресторане «Царская охота» на Кольском проспекте и никакие отговорки на болезни Леонида не принимаются, а если тот начнёт ссылаться на всякие неотложные обстоятельства, друзья приедут за ним, хоть на скорой помощи. Делать было нечего и звонок Виртанен, само собой, пришлось перенести.

С годами проведёнными в школе, а затем и в мореходном училище были связаны одни из лучших воспоминаний отставного бухгалтера, молодость, сокурсники, морская форма и морская романтика. Их дружный курс и трудовая практика, сначала в Баренцевом море, а затем, после окончания пятого курса, и в Атлантике. С перелётом из Москвы через Будапешт в Луанду, где команда получала на долгих полгода своё судно, БМРТ под номером 389 «Мыс Фрунзе». К сожалению, это было уже так давно...

БМРТ в очередной раз падал в пропасть и зарывался форштевнем в волну, следующая волна била в стальной корпус судна с огромной силой, в тысячу тонн морской воды, с глухим тяжелым грохотом сотрясая посудину по всем её переборкам и шпангоутам. Судовой дизель натужено стучал огромными поршнями, ворочая вал гребного винта, выгребая наверх из самой бездны морской пучины. И так раз за разом, вверх, вниз, удары волн и бесконечная качка. Море у Шпицбергена штормило вторые сутки, трал не спуска-

ли, рыболовецкое судно просто болталось на банке и пережидало непогоду. Обычно кучно державшиеся в районе лова рыболовецкие суда разных стран и флотилий, разбросало штормом и только некоторые из них маячили между вздымающихся чёрных волн на горизонте. На палубу без указания капитана выходить было строго запрещено и команда БМРТ «Мыс Фрунзе», с портом приписки в городе Мурманске, развлекала себя ввиду отсутствия улова и соответственно трудовых подвахт на фабрике по переработке рыбы, игрой в нарды и вязанием мочалок из распущенных на нитки полипропиленовых цветных канатов, слушала судовое радио и травила байки. Лёня Тычина в отличии от остальных ребят-курсантов в их четырёхместной каюте, плохо переносил качку и его регулярно рвало и мутило уже почти целые сутки. Паренёк валялся с большой головой, измождённый этой бесконечной болтанкой на верхней шконке, а ребята внизу беззаботно травили байки, играли на гитаре и сражались в шахматы.

Этот короткий рейс являлся итоговой практикой после окончания четвёртого курса, курсанты должны были привезти из него характеристики для открытия виз для плавания в Атлантику и направления по распределению в должности, на флота. Рейс был рассчитан на три месяца, по ближним северным морям. В феврале в Норвежском и Баренцевом морях началась мойвенная путина и судно уже пропахло запахом свежих огурцов, так пахнет, только что поднятая тралом

на корму, мойва.

В отличии от лова другой рыбы, где скумбрию или путассу необходимо ещё и разделявать перед заморозкой или консервацией, на мойве работы для экипажа судна совсем немного, идёт только сортировка рыбы на конвейере и укладка её в лафеты для морозильных камер. Замороженные брикеты рыбы упаковывают в коробки и отправляют в холодный трюм.

Основная работа в этот период лежит на палубной команде лова. Сначала подготовка трала, его спуск, проводка и подъем с уловом. Затем очистка трала от рыбы и её выгрузка на фабрику в трюм, осмотр сетей и их срочный ремонт, если потребуется, а так же укладка трала на палубе в готовности к очередному спуску. Люди на корме с тралом работают мужественные и сильные. Работа требует от них сноровки, умения и знания регламента работ каждым моряком на своём месте, слаженности всей команды лова, как на палубе так и в штурманской рубке.

Здесь некогда любоваться морскими видами и предаваться романтическим вздохам, здесь идёт серьёзная и порой опасная работа. Могучие лебёдки тянут трал длинными канатами, с поплавками и грузами, при спуске трала они могут захлестнуть не осторожного рыбака, да и огромный мешок самого трала с нижней и верхними подборами, объёмным плетённым кутком, для удержания улова, многочисленными грузами и тяжёлыми траловыми досками, довольно устраша-

ющая конструкция для новичка, когда это всё скрежещет, грохочет и гремит, устремляясь под собственным весом и силой воды по лотку кормы в море. При этом северные моря, Норвежское и Баренцево, редко спокойны, судно всегда болтает, холодные волны захлёстывают команду с ног до головы, а надо работать в любую погоду и в холод, дождь и в снег.

После многочасовых переходов и поиска косяка рыбы, судно сбрасывает трал и начинается захват рыбы, в эти томительные часы вся команда живёт ожиданием улова. Когда проводка трала заканчивается и судно сбавляет ход для подъёма трала, все, кто свободен от работы и вахты, высыпают на палубу, вплоть до кока и буфетчицы, и наблюдают это священнодействие. Старожилы уже по звуку напряжённой работы лебёдок могут определить сколько рыбы будет в сетях, а молодая команда с особым вниманием ловит новости из штурманской рубки от капитана о примерном весе улова. И вот наконец, сначала из моря показываются траловые доски, которые раздвигают подборы трала, его пасть, заглотившую косяк рыбы. Затем, с грохотом от грузов и поплавков, втягиваются подборы, и за кормой корабля появляется, в окружении слетевшихся к судну голодных чаек, сам наполненный рыбой мешок трала.

Здесь в зависимости от полноты улова рыбаки или шумно радуются успеху или разочаровано, ругают подводного царя, а про себя штурмана и капитана, за напрасные надежды. Жизнь рыбака в значительной мере зависит от удачли-

вности и смекалки капитана. Нет улова, нет денег, вот и вся романтика рыбалки, это вам не прогулки при луне, это работа и от нее зависит, что и сколько принесёт моряк в кармане в семью, за долгие месяцы своей разлуки с домом. На судах-рыбаках как в колхозе трудодни, заработок от рыбы распределяется по паям, в зависимости от вклада каждого. Столько-то рыбы поймано за сутки, разделано и заморожено, столько-то закатано банок консервов и тресковой печени, намолото рыбной муки, столько вы и заработали. Распишитесь и получите. Всё отмечаться в большой таблице, повешено на всеобщее обозрение на стене камбуза и каждый из команды видит в моменте, сегодня я заработал столько и есть к чему стремиться. Всё открыто и честно. Не работаешь, – не ешь, закон моря!

Вот наконец, трал и куток затянуты на палубу. Мешок полон мойвой, как батон варёной колбасы. Затем трал поднимают лебёдками и высыпают рыбу в приёмный бункер, а то и в два, если рыбы много, и подают её в рабочий трюм, на рыбную фабрику. И пошла работа в трюме, сортировка, заморозка, загрузка холодных трюмов уже замороженной рыбой. И так три месяца напролёт, поиск косяка, спуск трала, проход, подъём. И ночью и днём и в шторм и в штиль, в любую погоду. Словом рыбалка в море, это вам не с удочкой на берегу посидеть.

Курсанты мореходки, как свежая кровь на БМРТ. Команда им рада. Старожилы их безобидно подкалывают разны-

ми рыбацкими словечками и байками, проверяя знания морской терминологии и смекалку. Но это так всегда с новичками, все на судне ждут, как молодые ребята проявит себя в деле. Ведь всем им жить одной семьёй в этой плавучей железяке три месяца, а в больших рейсах и по полгода. Новички, ребята все молодые, крепкие, кровь с молоком. Курсанты это вам не колымщики-временщики, не трава перекаати-поле, они не пришли на судно на один рейс длинный рубль урвать, а решили связать с морем всю свою сознательную жизнь. Мореходка курсантов приучила к дисциплине и порядку, они уже несколько лет жили в её корпусах бок о бок с друг с другом, и флот, и море стали их желанной мечтой. Все они стремились на судне проявить себя с лучшей стороны и тяжёлая мужская работа в их молодых руках кипела, все делалось с задором и огоньком. Старожилы судна, которые уже по несколько лет притирались друг к другу, и где-то уже даже поднадоели даже сами себе за длинные, продолжительные рейсы, молодых пацанов принимали как свежий глоток воздуха, с распахнутой душой и курсанты отвечали бывалым морякам взаимностью.

Леонид Евгеньевич с грустью вспоминал те счастливые дни их юности и к встрече с однокурсниками и однокурсниками готовился тщательно, чтобы не ударить лицом в грязь. Первым делом он посетил своего мастера парикмахера, которая стригла его уже несколько лет подряд под один и тот же фасон неизменной «канадки», с чётким пробором и чёлкой

зачёсанной немного назад и аккуратно подравнивала небольшую, шкиперскую бородку. Голова Тычины за последние годы подёрнулась серебром седины, но Леонида Евгеньевича это не расстраивало, а, как он считал, прибавляло его облику солидности и стати. Затем Леонид Евгеньевич под контролем Принца Уэльского выбрал в своём шкафу лучшую белоснежную рубашку тонкого шёлка и синий шерстяной костюм, к мягким кожаным светло-коричневым полуботинкам от «Ессо». Свой лучший галстук отставной бухгалтер не повязал, так как дружеская встреча его не предполагала. Достал из бархатной коробки и сверил время на своих вечных швейцарских часах «Breguet», ещё раз поблагодарив в душе сына Артёма за поистине дорогой подарок. Парфюм от «Armani» служил привычным аксессуаром мужчины по торжественным случаям, этот терпкий аромат с древесными нотками нравился его покойной жене. Вечером, к назначенному приятелями времени, Тычина выгулял терьера, принял душ и экипировавшись, вызвал к своему дому такси.

Свою трость мужчина оставил дома, так травмированная нога его уже почти не беспокоила, да и показываться с палкой на глаза друзей, Леонид Евгеньевич стеснялся.

ГЛАВА 3. «ЦАРСКАЯ ОХОТА»

Долгой полярной ночью маленький лемминг выбрался из своей снежной норки, под порошим ягелем большим валуном и увидев яркое сияние над тундрой, с другой стороны Кольского залива, спрашивает у мамы:

– Мама, а что это там за огонь полыхает между сопок, у тёмной воды?

Мышка-мама ему отвечает:

– Не бойся малыш. Это люди с того берега, позвали на долгую зиму к себе в гости солнце...

Про Мурманск известно многое и то, что это столица Рус-

ской Арктики, база ледокольного атомного флота и начало Северного морского пути, крупный рыбный и торговый порт, а с недавнего времени еще город нефтяников и буровых вышек на шельфе. Но что же привело людей сюда, на Крайний Север, в страну холодной зимы, тёмной и долгой полярной ночи? Конечно же, не только большие зарплаты и северные надбавки. Ведь кажется минусов на Крайнем Севере намного больше, – долгая холодная зима и следовательно, долгий отопительный сезон, высокие цены на привозные продукты, удалённость от столиц, с их культурными возможностями и товарным разнообразием, а ехать из Мурманска в отпуск довольно хлопотно, дорого и долго. Так, что же это за народ то такой, мурманчане? Друзья мои, я вам скажу от души, северяне – это такие особой породы люди, они почти такие же как вы, только в шубах, шапках и валенках. Холодные арктические ветра закалили их дух, а тёмные полярные ночи сделали ясными и зоркими их глаза, и равнодушными сердца. Их души греет не только могучий тёплый Гольфстрим, а ещё и любовь к романтике и приключениям, тяга к первобытной, не тронутой природе Заполярного края, к бескрайней каменистой тундре и к небесно-голубым прозрачным озёрам, к блеску радужной форели в порожистых реках и ковру из шляп подосиновиков в редколесье карельских берёзок, к красным ягодам брусники на снегу, к великолепной охоте и удивительной рыбалке, ночёвкам под гитару у костра и семейным лыжным прогулкам на трассах Долины Уюта.

Но и работать мурманчане конечно умеют не спустя рукава, а иначе, чего же им было ехать то сюда, на Крайний Север.

Мы любим свой Мурманск, с его туманами над тёплым Кольским заливом, звонками башенных кранов в порту и гудками пароходов, уходящими в дальние плаваня, за заиндевшие окна троллейбусов, тянущихя светящимися караванами по тропе из проводов по заметённым позёмкой проспектам в зимнюю стужу, за то что дома нас всегда ждут и согреют любовью родные и близкие. А что бы долгая зима не казалась такой тёмной и безрадостной, улицы Мурманска полярной ночью озаряют огни иллюминации. Город долгой Полярной зимой необычайно ярк и сверкает тысячами огней многочисленных чудесных фонарей и праздничных гирлянд вдоль широких проспектов, бульваров, в скверах и на площадях, сияет разноцветными огнями иллюминации многочисленных торговых центров, яркими витринами магазинов и кафе, тысячами светящихся в ночи окон многоэтажек и даже колесо обозрения чертит под полярным сиянием свои огненные круги в парке развлечений и разгоняет мглу. Сияющий ореол над Мурманском, из-за вершин крутых сопк, полыхает в звёздном небе на много километров вокруг, над всей тундрой и тёмным зеркалом Кольского залива, на зависть экономным соседям, норвежцам и финнам. Мурманчане, как это не покажется странным, даже любят эту свою долгую Полярную ночь, с беспроглядной мглой и холодными снежными метелями, а за редкие сполохи Полярного сия-

ния и пару звёздных медведиц, бегущих по шестьдесят девятой параллели указывая путь путешественникам, отдадут кажется все остальные богатства мира. Потому что за сумрачной зимой обязательно будет Праздник Солнца и от долгого ожидания, первые лучи над вершинами сопки, на востоке, кажутся ещё желаннее. Мурманчане встретят этот день собравшись вместе всем городом, с детьми и близкими, горячим ароматным чаем, жаркими блинами и дымком шашлыков, песнями, плясками, ударами лопарского бубна и гонками на оленьих упряжках. И вернувшееся солнце озарит Заполярный город почти на целых полгода, словно желая отогреть его перед следующей долгой зимой. Теперь надеюсь вы понимаете, что может быть именно о Мурманске и Кольском заливе вы мечтали всю свою сознательную жизнь, а вы говорите Север!

Ресторан «Царская охота» появился на месте знаменитого в 90-х годах пивного бара, на первом этаже многоквартирного дома на Кольском проспекте. Это довольно популярное у мурманчан и гостей города заведение, стилизованное под охотничий домик, с хорошей кухней, уютным залом, приветливым персоналом и разнообразной анимацией, в виде музыкальных и юмористических номеров. В фойе Леонида Евгеньевича встретила приятная женщина, распорядительница зала, которая указала на столик в глубине, у сцены, где его уже ожидали друзья. Их за столом сидело пятеро, звонивший ему с приглашением главный инженер сетей «Кол-

энерго» Владимир Морозов, штурман Игорь Костиков, врач Вадим Соболев, бывший начальник уголовного розыска Октябрьского района, а теперь директор охранного агентства «Арктика» Анатолий Попов и директор агентства недвижимости «Наш город» Александр Марченко. Бывшие курсанты, расставшись по разным причинам с морем, пошли дальше по жизни уже каждый своей дорогой, но море и мореходка остались их первой любовью.

– Ну, брат Леонид, ты как всегда заставляешь себя ждать, – захохотал над столом баритон Анатолия Попова. – Друзья мои, налейте опоздавшему штрафную, по полной мере ответственности, без амнистии.

– К нам приехал наш любимый! – завели приятели шутиливую заздравную песню. – Леонид Евгеньевич, дорогой! – и Владимир Морозов, находившийся ближе всех к садившемуся за стол Тычине, встал и подал ему хрустальный стакан янтарно-красной рябины на коньяке, с веточкой брусники нанизанной на край стакана и фирменную булочку с куском строганины, из жирного ярко-красного лосося.

– Пей до дна! Пей до дна! – грянули дружно приятели, уже раскрасневшиеся от первой рюмки.

Леонид Евгеньевич в сердцах опустил руку, типа пропади оно здоровье, махнул холодную настойку одним быстрым глотком и улыбнувшись друзьям, сразу закусил, разливающуюся внутри теплоту, холодной, таявшей во рту строганинкой на ароматной, хрустящей булочке с тмином.

– Жив ещё портянка! – похвалил Вадим Соболев, протягивая навстречу Леониду Евгеньевичу свою большую сильную ладонь. – Рад тебя увидеть, дорогой мой товарищ!

Все собравшиеся также бурно приветствовали Тычину. В это время официант носил к столу нарезку на фирменных деревянных досках, с мясом лося, буженины из дикого оленя, нежного хариуса и сёмги, с хреном и брусничным соусом, а также фирменные «Царские салаты». По команде Попова, который взял на себя обязанности тамады, друзья повторно наполнили бокалы, теперь уже холодной финской водкой и выпили, под произнесённый Анатолием тост, за здоровье и долгие годы всем присутствующим и отсутствующим, дружно чокаясь и смачно закусывая, похваливая поданные кушанья.

– Толя, а что мы на горячее заказали? – спросил обращаясь к Попову Соболев.

– Саша предложил в этот раз испробовать лося в горшочках, с картошечкой в грибах и в сметанном соусе, – указал тот на Марченко. – Но я взял на себя смелость заказать три порции с лосем и три с олениной, чтобы мы почувствовали разницу.

– Мужики, лось в горшочках, это цимус! – подтвердил Марченко. – Пальчики оближешь, сами увидите.

– Лёня, а ты так и сидишь на пенсии, ничем не подрабатываешь? – обратился к Тычине Владимир Морозов. – А то у нас, в бухгалтерии, место начальника отдела освободилось,

если хочешь, я бы замолвил словечко перед директором.

– Спасибо Володя, – кивнул Тычина. – Я подумаю.

– Ты подумай, да недолго, – упрекнул его Морозов. – Зарплата полтинник, премии квартальные, отпуск. Всё как у людей. И рядом будем.

– Да, что ты пристал к человеку со своей энергетикой, – засмеялся Игорь Костиков. – Давай Евгеньевич тряхнём стариной, да махнём со мной в Атлантику. Третьим штурманом возьму. По Канарам погуляем, Лас-Пальмас, белые штаны, креолки с длинными ногами, не жизнь, а малина!

– Зачем ему твоя рыба, – загудел Попов, – закроешь человека в железной банке на полгода, как в СИЗО. Знаем мы твои белые штаны!

Все засмеялись.

– Ну, мужики, третья, как обычно, стоя не чокаясь, – Анатолий Попов встал. – За тех кого уже с нами нет. Никогда бы не подумал, что так рано уйдут из жизни наши любимые друзья-одноклассники Сергей Шапошников, Миша Меньшиков, Коля Храмченко, Сашка Алексеев. Земля им пухом и вечная память!

Приятели стоя, не чокаясь, выпили и помолчав сели. Несколько минут над столом висело тягостное молчание. Между тем столы в зале ресторана заполнялись посетителями. На эстраде две девушки с саксофоном и тромбоном исполнили дуэтом джазовую композицию. Потом, вышедший вслед за ними, молодой солист стал душевно напевать лири-

ческие песни восьмидесятых.

Пары потянулись к сцене на медленный танец. Кто-то из гостей фотографировался у барной стойки с огромным чу-челом медведя, стоявшего во весь рост на задних лапах с разинутой пастью.

– А кстати, мужики, – обратил внимание Владимир Морозов. – Вы знаете, что наша любимая классная руководительница Валентина Ивановна Черепанова ещё жива и здорова! Надо нам обязательно всем вместе ей позвонить и навестить.

– Так сколько же ей сейчас, – удивившись и обрадовавшись спросил Леонид Евгеньевич. – Кто знает?

– Когда у нас был выпускной в нашем десятом «А», ей было, по-моему, тридцать четыре, – напомнил Попов.

– Следовательно ей сейчас должно быть семьдесят шесть лет, – предположил Морозов. – Какая молодец, дай ей бог здоровья, что терпела нас оболтусов. Да, наша любимая 23 школа на Варничной сопке. Наш самый лучший десятый «А».

– А кто знает, где наши девчонки? – спросил Костиков. – Кто о ком знает?

– Я знаю, что Зайцева Лена живёт с мужем и детьми в Канаде, – ответил Анатолий Попов. – Поздравляла меня с Новым Годом в «Одноклассниках», выглядит конечно замечательно, как и раньше.

– А я в прошлом году встречал Олю Трофимову, – вставил Марченко. – Она рассказывала, что ведёт большой про-

ект по защите Арктической природы, кажется совместно со шведами. Такая молодец, умненькая.

– Кстати, друзья мои, приглашаю вас к нам в заведение «Центр китайской медицины», – сообщил всем собравшимся Вадим Соболев. – Наконец-то мы закончили все мытарства и получили квоту на работу наших массажистов. Так что милости прошу. Первый сеанс в подарок.

– Где же ты Вадик китайцев то нашёл? – поинтересовался Александр Марченко, – лучше бы уже финок привёз и баню открыл, больше бы пользы было! – и за столом опять раздался дружный беззлобный смех.

– А вот ты приди и попробуй, – убеждал Соболев. – Мой кудесник-то, китайчонок, тебе в два счёта позвоночник вытянет и все твои отложения в шее уберёт, на пятнадцать лет моложе станешь. И массаж нужных по их науке точек рук, ступней и головы, всё сделает и этим твои внутренние органы оздоровит, которые требуется, придаст им новый импульс и тонус повысит. И иголки также ставим в нужные точки и банки. Только их банки китайские особые, большие. У меня две девушки китаянки и три паренька работают, все дипломированные врачи. Вы знаете сколько мороки было их дипломы перевести и в нашем Минздраве утвердить, да квоту на иностранцев пробить. Полгода все мытарства длились. А теперь милости прошу. Я потом визитки всем раздам пригласительные, со скидкой. Мы на Советской 36, там и офис и массажный кабинет. Звоните мне, я вас по времени запи-

шу. Всего тысяча рублей час, любая процедура. Ну, конечно, чтобы был эффект надо полный курс пройти, десять процедур. Ну, и знаете ли, в комплексе желательно. Массаж и иголки например. Или ароматные травы и банки, в комплексе с массажем.

– Так где ж ты, чёрт такой, китайцев-то нашёл, – не унился Марченко, видимо завидуя предприимчивости друга.

– Да, ты понимаешь по случаю, – рассказал Вадим Соболев. – Наш заведующий отделением травматологии, два года тому назад попал в автомобильную аварию и сильно повредил себе весь низ, таз и ноги. Переломы страшные были. Валялся у нас в больнице полгода, пока его по частям собирали. Ещё через полгода он стал кое-как двигаться. Не ходить, а именно двигаться с палочкой и под руку с женой. А тут, услышал он про санаторий в Китае, в Удалянчи. Есть там такой городок, там в санатории врачи чудеса творят, массажем и травами. Узнал он всё про тот санаторий, созвонился, купил билеты и уехал с женой в Китай. Лечился он там почти месяц, приехал обратно в Мурманск и я при встрече его не узнал. Человек ожил. Мало того, что он сам стал ходить, с тростью конечно, но сам. У него взгляд изменился, глаза загорелись, молодыми стали глаза. И по секрету вам скажу сила мужская вернулась, жена не нарадуется.

– Ну, за мужскую силу, – раздался тост, все дружно рассмеялись, наполнили стаканы и выпили. А как не выпить за такое дело?

– Вот я посмотрел на него, – продолжил Соболев, – и стало мне завидно, честно вам скажу. Тоже захотел я этого огня в глазах. И поехал я на следующий год вместе с моим травматологом тоже, в эти самые Удалянчи. Деревня, скажу я вам деревней. Если вы были в Турции или в Эмиратах, вам конечно будет там скучно. Процедуры с утра до вечера, день расписан по часам и никакой развлекухи и анимации. То горячие ванны с травами, то грязи лечебные, то банки ставят, то иголки втыкают в хитрые точки по схеме, то тебе массаж или лечебная физкультура. Завтрак, обед и ужин по расписанию и послеобеденный сон. Городок сам маленький, рынок да магазинчики, пойти вообще некуда. Но диагноз ставят по пульсу, все ваши болезни расскажут от А до Я. Мне все мои болячки поведали без моей медицинской карты, начиная от холестерина, искривления позвоночника и до геморроя. Ну, полечился я это само собой, а главное навёл личные контакты с их врачами молодыми. А учреждение это государственное, оклады у врачей не большие. Ну, я и предложил одному заму по врачебной части, тому который по-русски хорошо говорил, собрать мне команду из пяти-шести врачей на год. Хотя они там все по-русски шпарят, там пол Москвы лечится, а Дальний Восток и Хабаровск так вообще живёт. Так вот, тот старший китаец мне врачей подобрал, за денежку с них, процент они ему будут отдавать. Ну, а я занялся оформлением бумаг уже дома и подготовкой помещения. Всю зиму мы с ними по скайпу общались, бумажками

обменивались. Это же надо кучу разрешений оформить, получить квоту, сделать визы, перевести на русский дипломы и тут по месту оборудование закупить, лицензию получить и много ещё чего. Денег пошло я вам скажу на всё, вагон и маленькая тележка. Но дело стоящее. Хлопцы они работающие, лупят руками по двенадцать часов к ряду, с восьми утра до восьми вечера. Руки как жернова, сильные как железки. Устанут, сами один другому массаж сделают и дальше пахать. Я вам скажу, если бы мы в России матушке все так работали, уже все миллионерами стали, банок бы не хватило деньги хранить. А девчонки китаяночки, какие приятные, сил моих нет, но работа и только работа.

– Я вот тут прикинул, – вставил Александр Марченко, считая суммы на калькуляторе iPhone. – Двенадцать часов на шесть человек, семьдесят две тысячи в день. Неплохо я вам скажу, для такой маленькой компании. И самое главное товар в руках, не просрочки, не больших расходов. Да, ты Вадик голова, возьми меня хоть санитаром!

– Ну, кому уж приbedняться, Саша, так это только не тебе, – в свою очередь подколот Марченко Толик Попов. – Полгорода перепродал, недвижимость в аренде на каждом углу, половине народа свои кредиты до зарплаты втюхал. А вторую половину в долги вогнал. Вот жаба васильковая.

– Да, есть немножко, – заулыбался добродушно Марченко. – Ну, нужны людям деньги до зарплаты, как не помочь?

– Тебе ещё Саша должники твой «Infiniti» не спалили? –

поинтересовался добродушно штурман Игорь Костиков.

– Да, у него их два, – рассмеялся по-доброму Попов,. – И оба, на всякий случай, на КАСКО, по полной!

– Злые вы, – шутливо обиделся Марченко, – уйду я от вас!

– Ты лучше десятину в церкву отнеси, – загрохотал Попов и все заржали. – Грехи отпусти!

Потом им подали горячее в горшочках и пиво с королевскими креветками. Приятели закусили и через некоторое время разговор за столом продолжился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.